

В. В. ПИМЕНОВ

ОБ ОТРАЖЕНИИ В БЫЛИНАХ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

(Заметки)

I

Русские былины — очень сложное и своеобразное явление, и изучение их не может быть односторонним и однолинейным. Для того чтобы во всей полноте понять смысл и значение былинного эпоса, нужна совместная работа специалистов смежных наук — филологов, лингвистов, археологов, историков, этнографов и т. д. Русские былины складывались и развивались на протяжении многих веков, и выяснение того, когда и где вобрал в себя эпос те или иные элементы, могло бы представить значительный интерес.

«Эпос глубоко соотнесен с реальной действительностью», — справедливо замечает В. Я. Пропп в новейшем исследовании, посвященном былинам¹. Сказочное, фантастическое находится в эпосе на заднем плане. Но какого рода реальная действительность отразилась в русском эпосе — на этот вопрос давались различные ответы. Представители буржуазной фольклористики (особенно так называемого «исторического» направления), исходя из своей концепции аристократического происхождения эпоса, старались отыскивать в былинах следы «княжеского», «дружинного», «купеческого» быта. Характерно, что они почти совершенно не занимались изучением вопроса об отражении в былинах элементов материальной культуры. Между тем это натолкнуло бы их на такие мощные пласты народной культуры, что для «аристократической теории» осталось бы слишком мало места.

Среди великого обилия дореволюционной былиноведческой литературы, если не считать отдельных замечаний, связанных с изучением поставленной темы, мы находим лишь одну работу, специально посвященную изучению материальной культуры, отраженной в былинах. Это статья С. К. Шамбинаго «Древнерусское жилище по былинам»², которая, наряду с некоторыми правильными мыслями, содержит много крупных недостатков, типичных для «исторического» направления в фольклори-

¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 104.

² См. «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера». М., 1900.

стике¹. Отсутствие фундаментальных исследований, посвященных изучению былин в историко-этнографическом отношении, привело А. П. Скафтымова к сомнениям относительно возможности достижения успеха в этом деле².

В силу сложившейся традиции, а возможно и под влиянием скептических высказываний А. П. Скафтымова, в советской литературе долгое время не появлялось работ, посвященных как историко-этнографическому изучению нашего эпоса вообще, так и исследованию отразившейся в нем материальной культуры в особенности. Такая работа, в сущности, была начата лишь недавно Р. С. Липец, опубликовавшей в 1951 г. статью «Былины у промыслового населения русского Севера»³. Самый факт появления историко-этнографического исследования на былинном материале является весьма отрядным, несмотря на наличие в этой работе ряда неубедительных, слабо аргументированных положений и выборочное использование самого былинного материала.

Между тем, развитие советской исторической науки (в особенности археологии) настоятельно побуждает к тому, чтобы подобная работа была проделана. Сопоставление данных былин с материалами археологии, этнографии и истории имело бы двоякий смысл: с одной стороны, оно помогло бы изучению истории самого эпоса, с другой, раскрыло бы содержание нашего эпоса как источника разнообразных сведений историко-культурного и этнографического характера. Настоящие заметки ограничиваются лишь некоторыми вопросами этой «другой» стороны проблемы.

Особенно заметный интерес к былинам в целях использования их в качестве источника проявляют археологи. В доказательство того, что интерес археологов к былинам действительно велик, можно сослаться и на старые работы⁴, и на новейшие⁵. В связи с этим в настоящих заметках обращено внимание на отражение эпосом некоторых элементов материальной культуры русского народа.

II

Герои русского былинного эпоса — богатыри, цель жизни которых — вооруженная защита Родины от посягательств врагов-захватчиков. Естественно поэтому, что упоминания оружия в былинах очень часты: богатыри не расстаются с ним и даже пируют, оставаясь вооруженными. Надо заметить, однако, что былинные богатыри могут иногда вступать

¹ Заметим, что правильной в работе С. К. Шамбинаго является мысль об отражении былинами русского жилища XV—XVII вв. Отнесение на этом основании времени сложения самого эпоса к той же эпохе ошибочно. Не менее существенна и другая ошибка: отождествление жилища феодалов с народным, крестьянским жилищем; С. К. Шамбинаго не учел, что если описания былинных жилищ с внешней стороны и напоминают иной раз хоромы знати, то внутренняя обстановка в них — типично крестьянская. Следовательно, былинные представления о жилище создавались в демократической среде; элементы же аристократического происхождения получали сильное преломление в сознании народа.

² А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Москва—Саратов, 1924, стр. 119, 121 и 127.

³ Славянский фольклор. «Труды Института этнографии АН СССР». Т. XIII. См. ее же: Местные мотивы в былине о Садко. В кн.: Былины М. С. Крюковой. Т. II. М., 1941.

⁴ Д. Н. Анучин. Сани, лабя и кони как принадлежности похоронного обряда. «Древности». Труды Мос. арх. об-ва. Т. XIV. 1890.

⁵ См. Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. В сб.: «По следам древних культур». Вып. 2. Древняя Русь. 1953; его же: Древности Чернигова. МИА СССР. Т. XI. 1953; см. также: В. Л. Янин. Великий Новгород. В указ. сборнике.

в бой и одерживать победы и не пользуясь оружием. Так, например, в былинах о первом бое Добрыни со змеем герой действует не мечом и копьем, а шапкой («пухов колпак», «шляпа земли греческой»)¹. Вместо оружия может быть иной раз употреблен «червленый вяз» (как в былинах о Василии Буслаевиче), наконец, даже схваченный за ноги «татарин», размахивая которым герой уничтожает вражескую силу.

Во всех этих обстоятельствах едва ли можно видеть какую-либо реальную историческую подоснову. Изучая былины, мы никоим образом не можем отвлечься от того непреложного факта, что былина — прежде всего продукт поэтического творчества народа, произведение искусства, со всеми присущими ему качествами и свойствами. Одно из свойств былинной поэтики состоит в стремлении показать, что богатырь, даже безоружный, непременно побеждает своих врагов.

Рассматривая же собственно вооружение, мы сразу обнаруживаем вполне реалистические (с учетом известной доли гиперболизации) описания, полностью соответствующие определенной исторической обстановке. Вот, например, чем вооружен Илья Муромец: «палица тяжелая», «сабля вострая», «булатен нож» (вероятно, засапожный, так как вынимается из «нагалишша» (голенища?), «копье бурзаменское» (мурзавецкое), «латы богатырские». На коне его «седельшко кипарисное», в руках у него «плетка шелкова» (Марк., 1, 6, 12, 42).

Михайла Потык вооружен «крепким луком», он в «налучье» и с палицей «железной»². Вместо сабли иногда называется «острый меч» (Гильф., III. 218). Отметим, что в описаниях всегда отсутствует оружие типа боевого топора.

Из защитного вооружения изредка упоминаются «панцырь» или «кольчуга», обыкновенно же фигурирует общее название «доспехи богатырские» или «сбруя богатырская». Так, например, «сбруя» Дуная состояла из «куяка»³ и панцыря со кольчугою» (К. Д., 11).

Стрелы богатырей снабжены железными (стальными) наконечниками: Волх Всеславьевич, проникнув в арсеналы «Индийского царства», «у каленых стрел железцы повынимал» (К. Д., 11).

К числу предметов, составляющих вооружение («сбрую») богатыря, должен быть отнесен и «турей рог», в который трубили перед битвой или поединком:

Засвистал тут Дунаюшко во турей рог.
(Марк., 9).

Приведем одно из описаний полного вооружения богатыря:

Крепки доспехи на могучих плечах,
Куюк и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота,
А куюку и панцырю цена стоит на сто тысячей,

.
Кольчуги цена сорок тысячей,
Шелом на буйной голове замычется;
Шелому цена три тысячи.
Копье в руках мурзавецкое, как свеча горит,
Ко левой бедре припоясана сабля вострая,
.

¹ Ср. А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Стр. 83—86.

² Журн. «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 115, 116, 120.

³ Куюк — чешуйчатый панцырь.

Еще с ним тугой лук разрывчатой,
 А цена тому луку три тысячи,
 Потому цена луку три тысячи:
 Полосы были булатные,
 А жили слоны сохатные,
 А рога красна золота,
 А тетивочка шелковая,

.
 А колчан с ним каленых стрел,
 А в колчане было полтора ста стрел.

(К. Д., 22).

В описаниях доспехов всегда отсутствует щит.

Поставим себе вопрос: оружие какого же времени описано в былинах?

Надо сказать, что за период с IX до XVI века оружие не претерпело резких изменений, это было холодное оружие ближнего (рукопашного) боя; оружием дальнего боя служили лук со стрелами и метательные копья. Именно этот этап и отражен в былинах. Имеются, однако, некоторые детали, позволяющие более точно датировать описанное в былинах оружие. В этой связи полезно сделать следующее сопоставление: с IX по начало XIII века летописи называют меч 52 раза, а русскую саблю всего 3 раза¹. В противоположность этому в былинах в подавляющем большинстве случаев говорится именно о сабле, а меч упоминается редко. Такое соотношение ведет нас к сравнительно позднему времени, когда основным рубящим оружием на Руси стала уже сабля, а меч отошел на второй план (примерно, с XIV века).

В качестве материала, из которого изготовлено оружие, в былинах постоянно фигурирует булат: «булатная сабля», «булатен нож», «полосы» у лука также «булатные». Между тем Киевская Русь не знала булата. Для обозначения стали тогда употреблялось два слова: «оцел» и «харалуг» («мечи харалужные»). Слово «булат» проникло на Русь также сравнительно поздно — в XIV—XV вв. Для XV в. это можно утверждать наверняка. Среди монастырских ремесленников упоминается в источниках «булатник»².

Как уже было сказано, для защитного вооружения былины знают несколько терминов: «кольчуга», «панцырь», «куяк». Источники же, отражающие действительность Киевской Руси, вместо них употребляют только один термин: «брони».

Таким образом, былины в отношении оружия отражают, по-видимому, Русь московского времени, т. е. Русь эпохи складывания централизованного государства. Исключение составляют отдельные упоминания огнестрельного оружия. Так, Волх, превратившись в горностая, прокрадывается в арсеналы «Индийского царства» и вынимает кремни из ружейных замков. Аналогичный случай описывается и в поздней былине о наезде литовцев. Иногда в былинах упоминаются «пушечки». Все эти упоминания, однако, довольно случайны, и их следует относить к весьма позднему времени. Хотя огнестрельное оружие появилось на Руси с XIV в. (артиллерия), все же в эпосе оно присутствует как нечто инородное.

¹ А. В. Арциховский. Оружие (глава в кн.: «История культуры древней Руси». Т. I. Стр. 429).

² См. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. 1952, документ № 422, датированный 1473—85 гг.

Интересно и вооружение былинных врагов Руси. Тугарин действует кинжалом («кинжалище булатное») и мечом. У Идолища только кинжал¹. Характерно вместе с тем, что эти кинжалы предназначены для метания: Тугарин бросает такой метательный кинжал в Алешу, Идолище — в Илью. На Руси этот боевой прием не был распространен сколько-нибудь широко, он характерен для тюркских кочевых народов, обитавших в южнорусских степях.

III

Данных об одежде в былинах, к сожалению, немного. Обычно былины называют ее собирательным термином — «платице цветное» и не конкретизируют, из каких же, собственно, частей и предметов оно состоит. И все же при внимательном чтении можно обнаружить и некоторые интересные детали. Нужно иметь в виду, что эпическая традиция, согласно которой былинные герои являются необыкновенными людьми, а именно героями, богатырями, наделенными гиперболизированными качествами, стремится и в отношении одежды сохранить некоторую долю идеализации, «одеть» героев покрасивее, поярче. Естественно, что образцы для этих ярких, красочных описаний черпались из действительного быта господствующего класса феодалов, одежда которых, судя даже по очень скудным археологическим данным и древним миниатюрам, была на самом деле очень колоритна и красива. «Роскошная одежда знати описана в летописях и былинах (например, наряд Даниила Галицкого, Чурилы Пленковича и Дюка Степановича)»².

Действительно:

Премладый Чурило сын Пленкович
Обул сапожки-ты — зелен сафьян,
Носы — шило, а пята — востра,
Под пята хоть соловей лети,
А кругом пята хоть яйцо кати.
Да во пуговках литы добры молодцы,
Да во петельках шиты красны девицы.

(Гильф., III, 225).

Было бы, однако, ошибкой видеть в былинных описаниях одежды лишь отражение быта господствующего феодального класса, как это делали исследователи так называемой «исторической» школы. В былинах вполне четко отразилась традиция народной русской одежды вообще. Прежде всего здесь имеется в виду упоминание той части одежды, которая, по общему мнению, составляет основу русского народного костюма — рубахи. В некоторых вариантах былины о бое Добрыни со Змеем говорится о том, как Добрыня, прежде чем войти в воду «свирепой Пучай-реки», снимает с себя рубаху, что едва не послужило причиной его гибели. Упоминается рубаха и в качестве элемента женской одежды:

А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по пояс в окно,
В одной рубашке без пояса.

(К. Д., 9).

¹ См. В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Стр. 208 и 218.

² Очерки истории СССР. Ч. I. 1953, стр. 141.

Пояс, как видим, также считается обязательной принадлежностью костюма. Известно из летописи, что послам Владимира I Святославича не понравилось, что магометане в храме («в ропате») на молитве присутствуют «стояще бес пояса»¹.

Мы ничего не знаем о том, какова была мужская поясная одежда былинных героев: о ней ничего не сказано в былинах; есть лишь упоминания о «девушках-портомойницах», одну из которых простодушный Добрыня Никитич принял за «Дюкову матушку» (Гильф., III, 225). Невозможно наверняка сказать, в каком значении употребляется это слово: в значении ли платья вообще («порт» — *др. русск.* одежда) или для обозначения определенной части костюма (скорее всего — последнее, так как вообще одежда имеет в былинах другое наименование — «цветное платьице»).

В былинах часто говорится об одежде типа плаща. Известно, что такая одежда существовала у восточнославянского населения чрезвычайно давно: в Киевскую эпоху она имела уже несколько названий: корзно, луда, мятьль, япончица (*турск.* епанча)². Описывая одежду русов, Ибн-Фадлан говорит о наличии у них одежды типа плаща — «кисы»³. И в былинах о Дунае Настасья, побежденная Дунаем, одевается «в простую епанечку белую». В Киеве же князь Владимир приказывает для нее

Выдавать платьице женское цветное.

И выдавали... тут соян хрущатой камки.

(К. Д., 11).

В отношении упомянутого «сояна» мы находимся в большом затруднении: былины не дают материала для суждений о характере этого вида одежды. Отметим только, что это женская одежда, вероятно, верхняя (ср. *болг.* «сая»; *белорусск.* «саян» — 1) сарафан, 2) юбка).

Немногом больше можно сказать о другом виде одежды — гуне. На Илье Муромце, идущем по улице Царьграда (иногда Киева), надета «гуня» (Гильф., III, 220). В словаре, приложенном к т. II «Былин Севера», собранных А. М. Астаховой и ее сотрудниками, это слово разъясняется как «худая, ветхая одежда, рубище». Такое толкование могло возникнуть в связи с тем, что «гуня» в былинах фигурирует в качестве «каличьего» платья. На самом же деле «гуня» легко объясняется из болгарского языка, на котором она означает род шубы.

Верхняя зимняя одежда — шуба — также упоминается в былинах: «кунья шуба, соболиная» (Марк., 6, 18). В одном из вариантов былины об Илье Муромце и Калине шуба, подаренная Илье Муромцу князем Владимиром, называется «шубоцка-кошулецка» (Марк., 2). Трудно сказать, чем отличается эта шуба от других видов. Но, во всяком случае, название этого вида одежды должно быть поставлено в связь с термином «кошуля», которым у ряда славянских народов обозначается рубашка (ср. «кошуля» — *болг.* рубаха).

Из головных уборов в былинах постоянно упоминается два: «пухов колпак» и «шляпа земли греческой» (иногда эпитеты перемещаются).

Приведенные здесь факты (даже если учесть их отрывочность и неполноту) достаточно убедительно говорят о том, что в былинах нашли свое отражение элементы южнорусской, а не севернорусской одежды. Из всех названных здесь предметов только епанча была зафиксирована

¹ Повесть временных лет, под 987 г. Ср. А. В. Арциховский. Одежда. «История культуры древней Руси». Стр. 234—235; 248.

² А. В. Арциховский. Там же. Стр. 244, 252.

³ Там же. Стр. 244.

на Севере (в узком смысле слова), где этим словом называется большой платок (шаль) из шелка или штофной ткани (женск.). Другие предметы одежды из названных здесь на русском Севере (в узком значении) не бытуют¹. Р. С. Липец, специально исследовавшая северные элементы в былинах, высказывается в этом же смысле².

Однако и северная одежда все же отразилась в былинах, хотя и слабо: речь идет о промысловой, специальной одежде. Упоминается «платице лосиное», переодевшись в которое дружина строит Соловью Будимировичу «три терема». Эта одежда носит также название «кожанов лосиных» (Гильф., III, 199). Другим примером отражения в былинах северного быта может, пожалуй, служить «шириноцька красна золота», которую вышивает дочь «неверного короля» Митреяна Митреяновича, просватанная за Кашея (Марк., 13).

Из украшений в былинах постоянно упоминаются перстни и кольца. Отметим, что перстни найдены археологами по всей территории Руси³. Однако отсутствие в былинах указаний на форму и характерные особенности этих украшений делают невозможным сопоставление их с археологическим материалом. В большинстве случаев былины упоминают «злаченные перстни», а не полностью золотые; это, по-видимому, указывает на то, что князья, бояре и богатыри, действующие в былинах, наделены «мужичкими» представлениями о возможностях приобретения драгоценных украшений.

Следует особо остановиться на вопросе об обуви. Р. С. Липец в цитированной уже работе обращает внимание на два вида обуви, упоминаемых в былинах: сафьянные сапоги, которые она справедливо считает элементом «богатой древнерусской одежды», и «поршни кабан-зверя» — род кожаной обуви мокасинообразного типа, и только⁴.

Следует согласиться с Р. С. Липец в том, что упоминания «сафьянных сапожищьков» (Марк., 6, 15, 62) есть отголосок бытования их в древней Руси, когда «сапоги были обувью горожан и княжеских дружинников. Таков, например, богач и горожанин Дюк Степанович, который, состязаясь с Чурилой Пленковичем в щегольстве («щапствё»), «ай обувал сапожки он козловый» (Гильф., III, 218). На распространенность сапог указывает хотя бы название боевых ножей — «засапожники». «Крестьяне в ту пору носили лапти»⁵.

Но затем, Р. С. Липец, говоря о «поршнях» и локализуя их на Севере, не учитывает того факта, что в древности этот тип обуви был распространен значительно шире, захватывая и южную Русь — Киевщину. Об этом имеется прямое свидетельство в летописи, где под 1074 г. приводится эпизод из жития Исакия, который, согласно рассказу, в морозы стоял на холодных камнях «в прабошнях».

И наконец, о лаптях. Р. С. Липец ничего не говорит об упоминаниях в былинах лаптей. Между тем, таких упоминаний много. Даже Дюк Степанович разгуливает по Киеву в «лапотках плетеных» (Гильф., III, 213). Алеша Попович встречает Калику, который обут в «полапотьки» (лапти) (Марк., 47).

¹ Устное сообщение Г. А. Беляевой-Марковой.

² Р. С. Липец. Указ. соч. Стр. 204.

³ См. сб. «По следам древних культур». Вып. 2. Древняя Русь. Стр. 83, 136, 137, 150, 296—297, 332, иллюстрации между стр. 136 и 137. А также «Историю культуры древней Руси». Т. I. Стр. 246.

⁴ Р. С. Липец. Указ. соч. Стр. 204.

⁵ Очерки истории СССР. Т. I. 1953, стр. 140.

В былине об Алеше Поповиче и Тугарине говорится о том, как

Пришел... к ним Калика перехожая;
Лапотки на нем семи шелков.

(К. Д., 20)

Сами по себе эти упоминания лаптей в северных вариантах былин знаменательны, так как на русском Севере (в узком значении) лапти были распространены не широко, а промысловое население, о котором пишет в своей работе Р. С. Липец, и вовсе не носило лаптей.

Но интереснее всего то, что в былинах иногда проскальзывают указания на материал, из которого изготовлялись лапти (конечно, речь идет здесь не о том, чтобы поверить тому, что лапти плелись из «семи шелков» — это только образ): «лапотцы» на «ножках» Ильи Муромца были, оказывается, «липовы» (Гильф., III, 239), в то время как на русском Севере распространены лапти берестяные; «липовые» же (то есть лычные) лапти бытуют в среднерусской полосе и на юге.

Все сказанное дает основание полагать, что и этот издревле известный элемент материальной культуры (обувь) также «тянет» на юг, «поближе» к Киеву и Киевской Руси.

IV

При чтении русских былин может сложиться не совсем правильное впечатление о пище, упоминаемой в них; не слишком внимательный читатель подумает, вероятно, что былинные герои питаются сплошь лебедями да гусями, пьют исключительно «меды стоялые», а заедают «пряниками печатыными». В самом деле, былины очень часто говорят о том, что на пирах князя Владимира подаются «белы лебедушки» и прочая дичь, разнообразные «ествушки сладкие» и т. д.

Но наряду со всем этим былины хорошо знают и хлеб, который составлял основу питания русского народа на протяжении веков. Иногда речь идет о хлебе высококачественном, выпеченном из муки тонкого помола — «хлеб круписчетый»; так, Илья Муромец говорит Идолишу поганому, что он за один присест съедает «по единому ломтю хлеба» (Марк., 43; Гильф., III, 245).

Но былины отражают жизнь народа, крестьянства, и поэтому они говорят и об употреблении в пищу «хлеба с мякиною» (Марк., 64).

Из мясной пищи, кроме упоминавшихся ранее жарких из дичины (лебедей, гусей, уток), имеются упоминания о говядине, свинине. Об употреблении в пищу конины былины ничего не говорят. Из археологии известно, что употребление конины в пищу перестало практиковаться в связи с использованием лошади в качестве тяглового животного, примерно с VIII в¹. «Они (то есть славяне. — В. П.) едят мясо коров, гусей, и оно соответствует их потребности», — сообщает ал Бекри².

Из напитков в былинах упомянуты три: «мед сладкий», «пиво пьяное» и «зелено вино» (Марк., 2). Мед и пиво — древнейшие хмельные напитки, употреблявшиеся на Руси. Об этом говорят данные письменных

¹ Н. Н. Воронин. Пища и утварь. (Глава в «Истории культуры древней Руси». Т. I. Стр. 265).

² См. «Записки имп. Академии наук». Т. XXXII. СПб., 1879, приложение № 2, стр. 54.

источников, в частности, арабских. «Хмельной напиток (киевские славяне. — В. П.) приготавливают из меда», — указывает Ибн-Даста¹. Этому в точности соответствует сообщение ал Бекри².

В связи с употреблением хмельных напитков в былинах упоминаются некоторые сосуды, из которых эти напитки пили. Илья Муромец «наеживает» «каликам» «цяшу пива сладкова». Часты упоминания другого термина — «чара» (Марк., 42).

Известна застольная круговая чара-братина черниговского князя Владимира Давидовича (XIII в.). Между прочим, надпись, имеющаяся на ней, сохранила для нас название этого сосуда — «чара» («а се чара кня володимирова давидовича»)³.

В былинах часты такие упоминания «братин» (Марк., 67) и «турьих рогов» в качестве сосудов для питья: Дунай, например, в одной былинке льет «турей рог да меду сладкого» (Марк., 75).

«Воспетые в былинах древнерусские пиры, — полагает Б. А. Рыбаков, — сами по себе являются остатком языческого ритуала; возможно, что и питье из рогов, как наиболее архаичного типа посуды, было одним из элементов языческого праздника»⁴.

Из посуды, необходимой для приготовления пищи и питья, в былинах упоминается только «пивной котел».

Итак, приведенные материалы, как они ни отрывочны, все же позволяют говорить о том, что былины знают, наряду с пиршественными яствами, и обыкновенную крестьянскую пищу, характерную вообще для Руси на протяжении многих веков.

V

Проделанный разбор элементов материальной культуры, отображенных в нашем эпосе, естественно, не отличается полнотой. Можно было бы шаг за шагом, последовательно извлекать из былин интересные данные и о других элементах материальной культуры — жилище, орудиях производства, музыкальных инструментах и т. д. и т. п. Но уже и теперь можно в предварительном порядке подвести некоторые итоги, сделать известные выводы общего характера.

Прежде всего предшествовавшее изложение убеждает нас в том, что материалы, почерпнутые из былинных текстов, поддаются определенной классификации как в отношении хронологическом, так и в отношении приурочения их к определенной местности.

Мы видим далее, что в русском былинном эпосе нашла свое отражение материальная культура народа, а не только феодалов-дружинников или купцов, что может служить еще одним доказательством предвзятости и односторонности так называемой «аристократической теории». Наряду с роскошной одеждой, дорогим оружием, изысканными яствами былины знают лапти, хлеб с мякиной и т. д. С другой стороны, наличие в былинах описаний добротных и даже роскошных вещей, которыми пользуются богатыри, несколько не говорит в пользу этой «теории». Напротив, внимательное чтение былинных текстов приводит к заключению, что, во-первых, здесь мы имеем дело с народной идеализацией героев, а во-вторых,

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 265.

² «Записки имп. Академии наук». Т. XXXII. СПб., 1879, приложение № 2, стр. 55.

³ См. Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. Стр. 97.

⁴ Там же. Стр. 87.

сами эти прекрасные вещи не сняты непосредственно с княжеского или боярского плеча и переданы богатырям, а являются перед нами уже преломленными сквозь призму крестьянского, народного сознания и несут на себе его отпечаток.

Все это вместе взятое позволяет сказать, что русские былины в большинстве случаев верно рисуют объективную историческую действительность соответствующих эпох, а это, в свою очередь, дает возможность использовать их в качестве важного исторического источника.

СОКРАЩЕНИЯ:

- Гильф. — А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Тт. I, II, III.
Марк. — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.
К. Д. — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938.